

тей и взрослых. Параллельно с теологическим образованием отец Хосемария получил и светское – с 1923 г. он изучал право в университете Сарагосы, одном из старейших университетов Испании. После окончания своего служения в Пердигере отец Хосемария вернулся в Сарагосу, где занял место капеллана в церкви Св. Петра Ноласко, осуществляя вместе с этим пасторское служение в городе. Чтобы помогать своей семье, Эскрива преподавал право в Академии Амадо. В 1927 г., получив разрешение Сарагосского архиепископа, Хосемария отправился в Мадрид, чтобы закончить докторантуру по гражданскому праву, где по прибытии записался на курс истории международного права, а позднее на курс истории философии права. В результате он получил докторскую степень канонического и гражданского права [1, с. 61–62]. Хосемария понимал, что для осуществления Божьего замысла светское образование ему не помешает.

Таким образом, на Хосемарию Эскрива значительное влияние оказала его семья и та среда, в которой он вырос. Традиционное католическое воспитание способствовало развитию у Хосемарии христианского мировоззрения и мироощущения с самого детства. Это во многом определило его дальнейший путь. В ранние годы на формирование его личности повлияла школа пиаристов, где будущий священник ежедневно участвовал в церковной жизни, привыкал к труду и дисциплине. Многие события, происходящие в жизни, воспринимались им как результат действия Божественного провидения. Этим объясняются его спонтанные решения, которые в итоге приводили к радикальным изменениям. Одно из таких решений впоследствии привело к созданию *Opus Dei*.

Список использованных источников

1. Аллен, Д. *Opus Dei* / Д. Аллен; [пер. с англ. И. Быстровой]. – М., 2007.
2. Карселес, М. История одного «да». Жизнь святого Хосемарии Эскрива / М. Карселес, И. Торра; [пер. с исп. А. Нурланова]. – СПб., 2013.
3. Католическая энциклопедия: в 5 т. / редкол.: В. Л. Задворный (гл. ред.) [и др.]. – М., 2002 – 2013. – Т. 3: Католическая энциклопедия: М – П / В. Л. Задворный (гл. ред.) [и др.]. – 2007.
4. Пазухин, Е. Святой Хосемария Эскрива, основатель *Opus Dei* / Е. Пазухин. – СПб., 2009.
5. Benlloch, M. Josemaría Escrivá de Balaguer y el colegio de las Escuelas Pías de Barbastro (1908–1915) / M. Benlloch // *Studia et Documenta*. – 2013. – Vol. 7. – P. 201–220.
6. Villa, L. «Opus Judei» di Jose Maria Escriba (Canonizzato?..) / L. Villa // *Chiesa viva*. – 2003. – № 353. – P. 2–4.

*Д. К. Раков, магистрант
Белорусский государственный университет*

КУЛЬТ НАПОЛЕОНА КАК ЭЛЕМЕНТ ВОЕННОГО ЭТОСА И ИДЕОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ В 1796–1815 гг.

Важным аспектом военного дела является мораль армии. Совокупность идей, убеждений, взглядов, в которых выражается образец отношения к военной службе, долгу, войне, формируют военный этос, в рамках че-

го нужно выделить почитание военного лидера. Данная статья посвящена установлению истоков, содержания и эволюции ценностных представлений в военной среде о Наполеоне как полководце и императоре. Их изучение, как представляется, позволит глубже понять специфику военного этоса и идеологии во Франции в рассматриваемый период.

Устанавливая истоки формирования почитания Наполеона, нужно принимать во внимание два аспекта: личностные качества Наполеона и реакцию на них со стороны армии. Наполеон, возглавив Итальянскую армию⁸, успешно провел кампанию в Северной Италии в 1796–1797 гг. и завоевал популярность в широкой армейской среде, укрепившейся в ходе египетской кампании 1798–1799 гг. Признанию молодого генерала в армейской среде во многом способствовали доверительные отношения, сложившиеся между главнокомандующим и массой солдат. Претерпевая вместе с ними тяготы походов, он повышал свой авторитет среди войск [5, с. 315–316]. Наполеон впоследствии говорил, что «лишения, бедность и нищета – школа хорошего солдата» [8, с. 51; 9, с. 236]. Писатель Стендаль (М.-А. Бейль, 1783–1842), служивший интендантом, говоря о Наполеоне, отмечал: «Эта мужественная душа обитала в невзрачном, худом, почти тщедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неопишемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках» [12, с. 333].

Благодаря своим способностям Наполеон соответствовал представлению об идеальном командире. Во-первых, это выразилось в его мастерстве тактика и стратега, проявлении на поле боя личной храбрости. Во-вторых, значение имела его модель общения с подчиненными. Пехотный офицер Т. Р. Бюжо (1784–1849) советовал командирам, чтобы завоевать доверие солдат, нужно, среди прочего, «убедить их в том, что вы в состоянии умело руководить ими» [15, с. 260]. Ему вторит гусарский офицер А.-Ф. де Брак (1789–1850), подчеркивая такие ценные качества командиров, как справедливость, строгость, независимость, храбрость, требовательность к себе и другим, умение говорить с солдатами на понятном языке, и заключает: «Вот секрет их абсолютной власти, той беззаветной преданности, которую испытывали по отношению к ним подчиненные» [1, с. 63; 11, с. 325–326]. Наполеон вполне соответствовал этим установкам. Британский историк Ч. Исдейл правомерно считал: «солдаты знали, что Наполеон – один из них и всегда с ними» [4, с. 104]. Ко времени первых кампаний относится и первый опыт пропаганды Наполеоном своей деятельности как полководца. В газетах, основанных и редактируемых им, сообщалось о победах, одержанных армией под его руководством, а искусство прославляло эти военные походы⁹ [13, с. 242–243; 14, с. 68–69, 73, 74; 17, р. 380, 382,

⁸ По традиции название армии давалось ей в зависимости от того театра боевых действий, на котором планировалось ее участие в операциях.

⁹ Благодаря таким живописным работам авторства художников А.-Ж. Гро (1771–1835) «Бонапарт на Аркольском мосту» (1796–1797 гг.) и «Бонапарт посещает чумных в Яффе» (1804 г.), Ж.-Л. Давида (1748–1825) «Бонапарт переходит Большой Сен-Бернар» (1801 г.) [18, р. 9, 11, 12, 37, 49, 154; 13, с. 243, 244; 17, р. 381, 399]. Следует отметить, что искусство стало одной из ключевых форм пропаганды культа Наполеона, особенно в связи с распространением стиля ампира.

385–386; 16, s. 370–371]. Наполеон стал обладать репутацией командира, которому доверяют [6, с. 29–31].

Восприятие личностных качеств молодого генерала, распространение его положительного образа происходило в рамках существовавших установок во французской армии. Ее главным нравственным принципом, основой этоса было то, что каждый французский солдат, защищая Отечество, выполняет почетный гражданский долг перед нацией, что является честью для него. Он сражается не ради славы для самолюбия, а за идеалы Революции. Командиры и солдаты революционной армии, в отличие от королевской, являлись боевыми товарищами, так как часто были выходцами из одной социальной среды, и условием доступа к командным должностям были способности и заслуги конкретного человека. Между офицерами и солдатами существовало братство, которое базировалось на равенстве [4, с. 98–99]. Однако в период Директории становится заметной тенденция к трансформации военного этоса французской армии. Это видно, например, по обращению Наполеона к своей армии перед началом кампании 1796 г. в Северной Италии: «Вы найдете там почет, славу и богатство». Дело в том, что в данный период материальное положение армии находилось в упадке, в том числе вследствие коррупции, что было воспринято военной средой как унижение. Армия начала осознавать свою дистанцию от народа, так как она считала, что являлась образцом моральных ценностей, воплощала собой революционные идеалы, жертвовала собой, в отличие от гражданских лиц. Наполеон возвысил армию благодаря одержанным победам, он смог ее обеспечить необходимым, что повлияло на повышение его авторитета и преданности ему войск. Общение с солдатами, а также выражение похвалы подразделениям, проявившим себя в бою, учреждение знаков отличия для них помогало Наполеону поддерживать так называемый «*esprit de corps*» – корпоративный дух части. Все это и привело к появлению культа Наполеона как полководца, сформированного примерно к 1797 г. [11, с. 27, 35, 39, 44; 13, с. 242; 10, с. 250; 17, р. 383; 19, р. 157, 159–160, 164; 16, s. 374]. Эволюция в идеологии и ценностных представлениях армейской среды сопровождалась тем, что к образу полководца-победителя добавился образ государственного деятеля. Укрепляя этот образ, Наполеон должен был восприниматься общественностью как тот лидер, миротворец, который смог восстановить порядок в уставшей от политических и военных потрясений стране, и снова одерживать победы [4, с. 109; 14, с. 30, 72–73, 79, 101, 120, 126; 13, с. 231, 234, 242, 243, 249]. Это было своеобразным объяснением того, что произошло во Франции, в том числе государственного переворота 18 брюмера, представленного как спасение Республики. В свою очередь создание империи и принятие титула императора Наполеоном объяснялось его исключительными гражданскими и военными заслугами, способом сохранить завоевания революции, признание их обществом¹⁰ [10, с. 246, 251–253; 14, с. 131, 136, 139; 13, с. 216, 248]. Поэтому Наполеон не препятствовал убеждению определенной части солдат, что они, как и в революционное время

¹⁰ Данная мысль привела к окончательному оформлению так называемой «наполеоновской легенды» – толкования Наполеоном политических и военных событий с выгодной для него точки зрения, в определенной степени распространенной в историографии до настоящего времени [13, с. 251; 10, с. 234, 238].

защитники Отечества от Бурбонов, интервентов, выполняют патриотический долг [4, с. 98–99; 14, с. 139–140].

Большое значение имел и материальный фактор. Военный этос армии Наполеона стал претерпевать изменения в области мотивации. Порыв борьбы за республиканские идеалы, преданность им, дух гражданственности и революционный энтузиазм постепенно уступали первое место другому нравственному принципу – так называемой «честь мундира»¹¹. Это было вызвано растущей профессионализацией армии, что привело к модернизации корпоративного духа. Стремление отличиться перед императором, продвинувшись по службе, доказав тем самым свою преданность, слава и чувство полковой чести были теперь центральными категориями военной службы [12, с. 415–416, 437–438; 4, с. 69–70, 91, 99, 104, 154; 15, с. 260; 10, с. 250; 11, с. 323, 346, 350]. Служба во французской армии, в отличие, например, от английской, была почетной, к ней относились с уважением, она имела престиж [3, с. 373; 11, с. 324, 325; 16, с. 374]. Особенно военная служба была привлекательна для молодежи. Писатель А. де Виньи (1797–1863), принадлежавший к этому поколению, по его словам, «воспитанному императором на его победных бюллетенях», подчеркивал дух воинственности, стремление к военной славе [2, с. 10–11]. Для солдата было честью отличиться и получить благодарность, награду или повышение от императора, который главной воинской доблестью считал храбрость [12, с. 434–436; 7, с. 277; 1, с. 63, 66; 9, с. 222; 11, с. 333; 19, р. 167, 172]. Перевод из армейского полка в Императорскую гвардию, которая являлась образцом для остальной части армии, был почетным и подразумевал привилегии. Ту же функцию отличия и поощрения выполнял Орден Почетного легиона, укреплявший культ императора [7, с. 119; 19, р. 169–171]. Почитание императора, как и другие составляющие морального духа наполеоновской армии, в значительной степени влияли на общественное мнение, что способствовало появлению национальной гордости за победы [4, с. 103; 7, с. 119; 137; 14, с. 220; 3, с. 374]. Источником культа императора, как и во время первых кампаний, были внимательность и забота – характерные черты взаимоотношений между Наполеоном и солдатами. Личный камердинер Наполеона К. Вери (1778–1845) сообщает, что во время смотров император «заглядывал в глаза чуть ли не каждого солдата, чтобы убедиться, что у него на уме. <...> Сняв ружье с плеч молодого солдата, выглядевшего слабым, бледным и болезненным, говорил ему дружеским тоном: «Это ружье для тебя слишком тяжелое». Эти и другие признаки внимательности, простоты в обращении с солдатами (известно, что Наполеон иногда питался с солдатами на их биваке) приводили к тому, что «солдаты с еще большим обожанием относились к императору» [7, с. 275–276; 3, с. 374; 11, с. 332, 333]. Данные свидетельства дополняет К.-Ф. де Меневаль (1778–1850), личный секретарь Наполеона: «Во время этих смотров Наполеон обычно выяснял желания солдат, их нужды, состояние личного снаряжения и боевой техники, качество рациона. <...> Каждый солдат имел право выйти из строя и, взяв оружие на караул, обратиться непосредственно к императору с просьбой или жалобой. Ни одна прось-

¹¹ Это имело и предметное обоснование: мундир являлся не только маркером, подчеркивающий социальный статус военного, но и предметом гордости от принадлежности к определенному роду войск, подразделению, свидетельствующим о воинских традициях [4, с. 103–104; 2, с. 10].

ба не забывалась, на нее немедленно реагировали» [7, с. 277]. Безусловно, это играло положительную роль в укреплении боевого духа и сплоченности. Более того, Наполеон придавал большое значение личному примеру, своему присутствию и уверенности перед армией, что неоднократно подтверждал действиями [7, с. 270–271; 9, с. 15, 16–17; 11, с. 329, 332, 333]. Однако не только модель непосредственного общения влияла на боевой дух. Пользуясь тиражированной пропагандистской литературой (газеты, журналы, прокламации, бюллетени), Наполеон поддерживал почитание себя и своих побед, которые со времени первых кампаний в нужном ему ракурсе были отражены в такой литературе [9, с. 204–205, 216; 14, с. 30, 68–69, 115, 146–147; 5, с. 311, 316].

Таким образом, появление почитания Наполеона повлияло на создание новой системы ценностей в армейской среде. Существенным аспектом военного этоса стала служба императору, предполагавшая вознаграждение. Взгляды на роль и качества полководца, его идеальный образ нашли свое отражение в официальных публикациях, стилистике и семантике произведений искусства, ставших продуктами пропаганды. Другими словами, культ Наполеона сформировался, имея в своей основе две предпосылки. Во-первых, исходящее от самой армейской среды восхищение своим полководцем, его личностными качествами, манерой общения с подчиненными, а во-вторых, целенаправленное влияние пропаганды на укрепление образа Наполеона. В результате культ императора стал неотъемлемой частью формирования боевого духа, инструментом воспитания армии, фактором консолидации в армейской среде.

Список использованных источников

1. Брак, А.-Ф. де. Аванпосты легкой кавалерии / А.-Ф. де Брак // Империя истории. – 2002. – № 3. – С. 60–66.
2. Виньи, А. де. Неволя и величие солдата / А. де Виньи. – Л., 1968.
3. Жюно, Л. Записки, или Исторические воспоминания о Наполеоне: в 2 т. / Л. Жюно. – Т. 1. – М., 2013.
4. Исдейл, Ч. Наполеоновские войны / Ч. Исдейл. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.
5. Караяни, А. Г. Военно-психологическое искусство Наполеона / А. Г. Караяни // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005. – М., 2007. – С. 310–317.
6. Мармон, О.-Ф.-Л. Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени / О.-Ф.-Л. Мармон. – М., 2003.
7. Меневаль, К.-Ф. де. Наполеон. Годы величия, 1800–1814: В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана / К.-Ф. де Меневаль. – М., 2001.
8. Наполеон. Избранные произведения / Наполеон. – М., 1956.
9. Каузлер, Ф. Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле: в 2 ч. / Ф. Каузлер. – Ч. 1. – СПб., 1844.
10. Собуль, А. Герой, легенда и история / А. Собуль // Французский ежегодник. 1969. – М., 1971. – С. 233–254.
11. Соколов, О. В. Армия Наполеона / О. В. Соколов. – СПб., 1999.
12. Стендаль. Итальянские хроники. Жизнь Наполеона / Стендаль. – М., 1988.
13. Туган-Барановский, Д. М. Наполеон и власть (Эпоха Консульства) / Д. М. Туган-Барановский. – Балашов, 1993.
14. Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о спасителе / Ж. Тюлар. – 4-е изд. – М., 2012.

15. Энгельс, Ф. Маршал Бюжо о моральном факторе в бою / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 39 т. – М., 1959. – Т. 15. – С. 255–262.
16. Bielecki, R. Wielka Armia / R. Bielecki. – Warszawa, 1995.
17. Dwyer, P. Napoleon Bonaparte as hero and saviour: image, rhetoric and behaviour in the construction of a legend / P. Dwyer // French History. – 2004. – Vol. 18. – № 4. – P. 379–403.
18. L'histoire de Napoléon par la peinture / sous la direction de J. Tulard – P.: l'Archipel, 2005. – 318 p.
19. Lynn, J. Toward an Army of Honor: the moral evolution of the French army, 1789–1815 / J. Lynn // French Historical Studies. – 1989. – Vol. 16. – №1. – P. 152–173.

*С. Н. Рожкова, ассистент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины*

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ БРЕСТА ДО РАПАЛЛО В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье дана характеристика советского и постсоветского периодов в развитии белорусской историографии советско-германских отношений от аннулирования Брестского мирного договора до заключения Рапалльского договора в белорусской историографии. Выявлены концепции, разработанные белорусскими историками, которые объясняют характер и динамику советско-германских отношений в указанный период.

Советско-германские отношения всегда были в центре внимания белорусских историков как в советский, так и в постсоветский периоды. В белорусской историографии изучение истории Германии началось еще в 1920–1930-е годы. Первыми центрами исторических исследований в БССР стали Белорусский государственный университет и Институт белорусской культуры. В это время начали изучение новой и новейшей истории Германии такие белорусские исследователи, как В. Н. Перцев, Е. Ривлин, Н. М. Коноплин. А с 1950-х гг. кафедра новой и новейшей истории БГУ, созданная еще в 1937 г., стала центром исследований по новой и новейшей истории, в том числе и Германии [15, с. 205–206].

Одним из первых исследований, посвященных разработке периодизации современного периода исторической германистики в белорусской историографии, стала работа Г. А. Космача. Он определил в развитии современной белорусской германистики три этапа. Первый этап, охватывает период с середины 1950-х до конца 1960-х гг. Автор отмечает, что в это время сформировалась научная школа германистов, которую возглавили Л. М. Шнеерсон и Г. М. Трухнов. Они подготовили более 20 белорусских ученых-германистов. На этом этапе работали также такие крупные специалисты в области германской истории, как Н. П. Полетика, Д. С. Климовский, М. Г. Елисеев, Т. А. Кургуныян. По мнению Г. А. Космача, второй этап охватывает период с 1970-х до середины 1980-х, во время которого белорусская германистика развивалась более интенсивно, чем на первом этапе. Различные вопросы германской истории стали изучать в Институте истории АН БССР, на кафедрах всеобщей истории Гомельского и Гродненского университетов, Минского пединститута и других вузов. Исследователь выделяет на этом